

УДК 31

Проблема типологии экстремизма в современном научном дискурсе

Гребенщиков Иван Валерьевич

Аспирант,

кафедра социологии политических и социальных процессов,

Санкт-Петербургский государственный университет,

199034, Российская Федерация, Санкт-Петербург,

Университетская набережная, 7/9;

e-mail: Ivon.Fat@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматривается проблема дифференциации подходов к классификации экстремизма в современном научном дискурсе. Производится разбор операционализации типов экстремизма. Изучается многообразие актуальных подходов к типологии экстремизма в современном научном дискурсе и выявляются конвенциональные и дифференцированных научные подходы к проблеме классификации экстремизма, а также совокупность критических подходов к переосмыслению традиционных представлений о разновидностях данного явления. Рассматривается комплекс классификационных трактовок экстремизма в отечественном и зарубежном контекстах с краткой характеристикой содержательной компоненты приведенных подходов к типологии явления. Демонстрируются система и глубина современного инструментария по разделению феномена экстремизма по ряду признаков. Выделяются предметные поля научной дискуссии и деконсолидации исследовательского сообщества по профилю рассматриваемой проблемы, а также актуальные подходы к преодолению кризисных противоречий. Обращается внимание на ключевые конфронтационные точки современного научного размежевания в системе актуальных подходов к пониманию разновидностей экстремизма – идеологичность, политический характер, дихотомия «форма – вид». Выявляется диффузная природа форм проявлений экстремизма и динамичность его трансформаций в системе зависимостей от социальных и технических трендов развития общества. Представленные материалы позволяют не только отразить многообразие бюджета научного потенциала по направлению диссекции экстремизма, но и могут послужить предпосылками преодоления противоречий предметной дискуссии для совершенствования социологического потенциала диагностики социального пространства, а также для повышения эффективности инженерии реакции системы субъектов в сфере противодействия и профилактики данного феномена.

Для цитирования в научных исследованиях

Гребенщиков И.В. Проблема типологии экстремизма в современном научном дискурсе // Теории и проблемы политических исследований. 2017. Том 6. № 2А. С. 396-409.

Ключевые слова

Экстремизм, типология, форма, вид, классификация.

Введение

Современное общество сталкивается с весомым количеством вызовов и рисков со стороны различных социальных явлений. Одной из основных угроз стабильности развития социальной среды сегодня является феномен экстремизма, который вызывает устойчивый интерес со стороны научного сообщества. Однако определение сущности экстремизма не обнаруживает конвенционального понимания в современном научном дискурсе. Одной из самых спорных сторон данного явления является вопрос типологии экстремизма, что выступает предметом изучения данной статьи.

Сущность и классификация экстремизма

Прежде всего, необходимо отметить, что в научной среде нет устойчивого единоначалия в вопросе классификации экстремизма. Большинство различий в выделяемых видах экстремизма обусловлены контекстом, в рамках которого рассматривают проблему.

Так, по мнению В.В. Устинова, разделить экстремизм на формы и виды невозможно по причине многогранности феномена. Для классификации экстремизма необходимо огромное число критериев. Более того, явление экстремизма не стоит на месте, постоянно меняется, очень чутко реагируя на новые вызовы [Устинов, 2002, 34-36]. Подобная точка зрения отражает тенденцию отсутствия полномасштабного компромисса у исследователей данного явления в отношении форм и видов экстремизма. К примеру, Б.К. Мартыненко и Р. Тамаев утверждают о существовании трех главных форм экстремизма: политический, национальный, религиозный [Мартыненко, 1999, 66-77]. В свою очередь, Н.В. Волков дополняет уже обозначенные формы этническим экстремизмом [Волков, 2006, 5]. В ответ на подобные классификации В.А. Пономаренков и М.А. Яворский заявляют, что «здесь налицо подмена категорий «форма» и «вид» [Пономаренков, 2008, 42].

Одним из самых популярных разделений экстремизма является типология по признаку целей, мотивов и идеологической базы экстремистских действий. В данной классификации выделяют религиозный экстремизм, диктующий действия, направленные на противоборство различным конфессиям, в том числе внутриконфессиональная рознь. Религиозный экстремизм используется в политических целях, выражаясь в противо-

стоянии религиозных объединений власти светского государства или борьбе за власть представителей одной из конфессий. Данная форма экстремизма имеет высокие корреляции с фундаментализмом. Также выделяют политический экстремизм, выражающийся в противозаконных действиях политических партий и организаций, в том числе должностных и гражданских лиц, имеющих целью насильственную смену существующего государственного строя и, как следствие, разрушение актуальных государственных структур. Данная форма экстремизма в качестве инструментария использует разжигание вражды по национальному или социальному признаку. Наконец, выделяется националистический экстремизм, суть которого состоит в действиях, направленных на утверждение превосходства и исключительности определенной нации или расы путем разжигания национальной нетерпимости и дискриминации в отношении других народов, признаваемых неродственными.

Среди перечисленных видов экстремизма Б.К. Мартыненко отмечает экстремизм политический, определяя его как деятельность, целью которой является разрушение действующих государственных институтов с последующим навязыванием диктатуры тоталитаризма с «левой» или «правой» идеологией. Далее ученый говорит о национальном экстремизме, видящем свое предназначение в защите «своей нации», охране ее особенностей, совмещенном с непризнанием похожих прав у других народов. Выделяется следом националистический экстремизм с его установкой на стремление к самоопределению, обособлению и религиозный экстремизм, смысл которого заключается в непризнании других вероисповеданий и бескомпромиссной борьбе с ними [Мартыненко, 1999].

Крупную единицу экстремизма с развитой внутренней структурой являет собой религиозный экстремизм. С.А. Воронцов подразделяет религиозно-политический экстремизм на следующие группы: антиконфессиональный – направленный против представителей других конфессий, в том числе входящих в одну религию; антимодернизационный – как негативная реакция на распространение нового вектора ценностей, принимаемого за враждебный к актуальным социальным и политическим связям, базирующимся на традиционализме; антисистемный – направленный против светских режимов и политических систем, отказывающихся от признания за субъектом экстремизма статуса политической силы; мировоззренческий (сектантский) – основанный на высокой степени интолерантности участников движения, вплоть до терроризма; межгосударственный – религиозный экстремизм как один из инструментов в международных конфликтах [Воронцов, 2008].

Несмотря на широкую представленность данной типологии, она подвергается серьезной критике со стороны части научного сообщества. Обращается внимание, что подобное разделение является формальным, выделяющим лишь внешний сегмент явления и игнорирующим внутренние сущностные признаки предмета типологии. Имеется в виду, что

экстремистская деятельность, поставленная в многофакторные зависимости от условий и обстановки, в которых она реализуется, может принимать национальный, религиозный, политический окрас, по факту же не являясь ни одной из форм в чистом виде. В ответ на это противоречие некоторые исследователи стали оперировать такими понятиями, как этнорелигиозный, религиозно-политический и этнополитический экстремизм и т.д., отмечая тем самым динамичность и диффузность явления [Плужников, 2010].

Часть представителей научного сообщества идет еще дальше, рассматривая явление экстремизма в контексте его исключительной политической природы. Речь идет о том, что политический экстремизм способен к имплантации экстремистских проявлений из самых разных областей социальной жизни, придавая им форму политического требования. Данный тезис опирается на понимание всех видов экстремизма в контексте их априорной политической природы. Важным фактором наделения всех форм экстремизма политической природой является очевидный процесс политизации всех областей общественных отношений, имеющий следствием интеграцию политики во все сферы жизнедеятельности государственных и общественных структур [Гетц, 2012].

К подобному же мнению присоединяется С.А. Сергеев, говоря о том, что этнонационалистический или религиозный экстремизм корректнее было бы определять как этнополитический экстремизм и религиозно-политический экстремизм, поскольку всякой специфике идеологии и движения свойственна конечная реализация в политической плоскости [Петрянин, 2014].

В основу следующего разделения экстремизма некоторыми исследователями положен признак позиции субъекта экстремисткой деятельности, а также его локализации: международный экстремизм подразумевает осуществление экстремистских действий в рамках нескольких государственных образований; государственный экстремизм выражается в экстремистских действиях, осуществляемых с участием государственных органов на международной и внутригосударственной аренах; внутренний экстремизм, субъектом которого могут выступать государственные органы или политическая оппозиция, но локализация деятельности которого ограничивается внутригосударственным полем [Писаренко, 2010, 212-218].

Американские ученые Л. Уилкоккс и Дж. Джордж различают левый и правый экстремизм. Левые экстремисты основывают целеполагание своей деятельности на стремлении к восстановлению социальной справедливости и позиционируют себя борцами за права трудящихся. Правый экстремизм предполагает противостояние по национальному, расовому, религиозному, культурному признакам [George J, 1992].

Оппонирует подобному разделению экстремизма другая научная позиция, указывая на то, что левый и правый экстремизм являются производными типами политической формы экстремизма. Внутри дефиниции «политический экстремизм» находится подразделение по идеологической направленности – на «правый» и «левый». Чтобы в пол-

ной мере определить эти понятия, достаточно перечислить известные их формы. Итак, к правому экстремизму относятся фашизм, расизм, шовинизм, религиозный фундаментализм и др. На основе левого экстремизма выстроены анархизм, троцкизм, маоизм и пр. [Римский, Артюх, 2009, 47].

Анализ некоторых исследований по проблеме классификации экстремизма и экстремистской деятельности позволяет выделить авторские подходы к типологии экстремизма. Так, В.А. Смирнов обращает внимание на два основания для типологии экстремизма: по направленности экстремистской активности и по степени сформированности экстремистских установок.

В рамках направленности экстремистской активности ученый выделяет, во-первых, экстремизм в сфере межэтнических отношений, который характеризуется националистическими, фашистскими идеями, конфликтами между представителями разных национальностей. Затем выделяется религиозный экстремизм, характеризующийся конфликтом между представителями разных конфессий, религий, локализованных на одной территории. Под политическим экстремизмом В.А. Смирнов имеет в виду социально-экономические идеи против политической системы государства и ее представителей. Выделяется также экстремизм в сфере молодежных субкультур, выражающийся в конфликте между представителями разнообразных молодежных субкультур, являющихся носителями противоположных ценностей, придерживающихся разных типов мировоззрений. Наконец, последний сегмент – социальный экстремизм, направленный конфликт разных социальных групп, искоренение и уничтожение отдельных сообществ.

По степени сформированности экстремистских установок В.А. Смирнов выделяет два вида экстремизма. Первый из них – стихийный экстремизм, проявляющийся эпизодически, основанный на стереотипах, традиционных социокультурных образах и мифах. В данном случае экстремистская активность выражается спонтанно, аффективно, а действиями субъекта экстремизма руководят не четкие когнитивные установки экстремистского характера, а смутные ощущения, эмоции и стереотипы. Вторым видом выделяется организованный экстремизм, рассматривающий экстремистскую деятельность как единственно возможный метод амелиорации жизненного пространства и решения актуальных проблем. Деятельность подобного вида экстремизма проистекает в рамках экстремистских субкультур, радикальных организаций и группировок [Смирнов, 2008, 78-87].

Отдельные ученые указывают специфические разновидности экстремизма, например молодежный экстремизм. «Экстремизм в молодежной среде представляет собой индивидуальное и социально-групповое проявление крайних, неумеренных в нравственном и правовом отношении средств и способов жизнедеятельности молодежи как особой социальной группы и специфической категории населения» [Афанасьева, 2007, 10].

В подобном подходе кроется определенное противоречие, заключающееся в игнорировании логических принципов классификации (есть молодежный экстремизм, но

нет взрослого экстремизма), но данное допущение основано на исторической обусловленности термина, отсылающей к «молодежной революции» 1960-х гг. в странах Западной Европы и США. Укоренение данной формы экстремизма в рамках научного обихода связано с развитием отечественного направления исследования экстремизма в молодежной среде в социологическом аспекте, одним из ключевых акторов которого является социолог А.А. Козлов [Козлов, 1996].

Молодежный экстремизм являет собой специфическую форму активности молодежи, которая не укладывается в рамки общепринятых норм поведения и видит целью разрушение всей общественной системы или ее части. Подобная активность является осознанной деятельностью, находящей обоснование в какой-либо идеологической концепции (национализм, фашизм, исламизм и др.) или через ряд разрозненных символов и лозунгов. В обоих случаях актор экстремистской активности предпринимает действия, целью которых является причинение вреда другому индивиду, обществу, отдельной социальной группе или государству, руководствуясь определенной идеей или методологией [Возженников, 2005, 204].

Как отмечают ряд политологов, в частности М.Ф. Мусаелян, Н.Б. Бааль, С.Н. Фридинский, молодежный экстремизм представляет собой обособленное явление в рамках разновидностей экстремизма. Более того, именно молодежный экстремизм является крупным актуальным социально-политическим вызовом в России. Категория молодежного экстремизма во многом обусловлена составом рядовых исполнителей экстремистских действий, субъектами которых являются молодые люди. Другими словами, основной критерий, по которому молодежный экстремизм обособляется от экстремизма вообще, – возраст его приверженцев (14-30 лет). Именно в рамках данных возрастных параметров многим индивидам присущи характеристики экстремального типа сознания, выражающегося в импульсивности мотивации, агрессивности, склонности к риску, пренебрежению к общепринятым нормам, что потенциально может привести к экстремистским действиям [Бааль, 2008, 17-21].

Типологизация молодежного экстремизма может иметь различные основания, но в первую очередь обладает «молодежным характером» акторов экстремистской деятельности. Если рассматривать молодежный экстремизм в рамках вектора его направленности, то можно выделить следующие типы:

Экстремизм по направлению межэтнических отношений. В основе данного типа лежит методология расового превосходства и подразумевается конфликт между представителями ряда национальностей. Такого рода активность может имплементироваться как от титульной нации по отношению к нетитульной, так и в обратную сторону.

2. Религиозный экстремизм. Основой этого типа экстремистской деятельности является конфликт между адептами разных конфессий, исповедуемых на одной территории. Идеологическое обоснование подобных проявлений реализуется в русле сле-

дующих стереотипических установок: «священная война с неверными», «сектантство религиозного течения» и др.;

3. Политический экстремизм. Данный тип противостоит политической системе государства и ее законным представителям. Базисом политического экстремизма могут выступать как социально-экономические установки, так и методология смены старого строя новым.

Экстремизм в рамках молодежных субкультур. В данном случае речь идет о конфликте между участниками разнообразных неформальных молодежных движений, происходящем в силу оппозиционных ценностей, модусов поведения и мировоззрений.

Помимо перечисленного, к типам молодежного экстремизма можно отнести деятельность против традиционной культуры, являющейся общепринятой в государстве. Социальный экстремизм основывается на противостоянии разных социальных групп и направлен на борьбу и уничтожение отдельных социальных групп [Власов, 2002, 67].

Н.Б. Бааль, говоря о молодежном экстремизме в современном российском обществе, разделяет его по методам воздействия, по целям и по средствам, используемым при деятельности субъекта экстремизма. В рамках выделяемых категорий автор определяет соответствующие типы экстремизма.

Итак, согласно данной исследовательской позиции, по методам воздействия автор выделяет, во-первых, экстремизм с использованием физического насилия, в том числе лишение отдельных лиц или целых их групп жизни, нанесение тяжкого вреда здоровью, лишение свободы. Во-вторых, обращается внимание на экстремизм, сопряженный с вандализмом, а также уничтожением материальных объектов, в том числе поджог, разрушение государственных объектов, общественного, коллективного или частного имущества. В-третьих, выделяется экстремизм с применением методов морально-психологического насилия, в числе которого могут значиться следующие действия: угрозы, шантаж, демонстрация силы, дезинформация и т.д.

Что касается цели экстремизма, Н.Б. Бааль указывает на спланированный экстремизм, суть которого заключается в деятельности, направленной на объединение различных криминальных структур; экстремизм демонстрационный, направленный на популяризацию какой-либо экстремистской организации, в том числе ее идеологии, деятельности и анонс насильственного потенциала ее сторонников; экстремизм провокационный, ставящий целью вынудить политического недруга принять непопулярные в социальной среде решения или действовать в выгодном для экстремистов ключе.

Наконец, классифицируется экстремизм по средствам, имплементируемым при осуществлении акций. В рамках данной категории выделяется экстремизм традиционный, в ходе реализации которого прибегают к типичному террористическому инструментарию – применению огнестрельного и холодного оружия, взрывчатых веществ, ядов и других средств. Вторым видом является экстремизм технологический, предусматривающий использование инновативных технических средств [Бааль, 2007, 12].

Говоря о новых возможностях экстремизма в области инструментария реализации, некоторые ученые выделяют такую разновидность явления, как информационный экстремизм. Так, исследователи О.С. Жукова, Р.Б. Иванченко и В.В. Трухачев обращают внимание на тренд перехода экстремизма из реального в виртуальное пространство, где осуществляется информационная экспансия, в первую очередь, в отношении молодежного контингента пользователей. Стремительное развитие и популяризация информационного поля стали драйвером к использованию данной площадки для деятельности с признаками экстремизма. Ученые определяют информационный экстремизм как «деятельность, связанную с созданием, хранением и (или) распространением информации, обрабатываемой компьютером, содержащей предусмотренные законом признаки экстремистской деятельности, использованием этой информации для деструктивного воздействия на психику людей, не осознаваемую ими. Критерием информационного экстремизма является нанесение законным интересам, правам и свободам граждан физического, материального, морального и иного ущерба» [Жукова О.С., Иванченко Р. Б., Трухачёв, 2010, 108-108].

Также Е.О. Кубякин предлагает авторское определение информационного экстремизма – «это деятельность, осуществляемая с использованием информационных технологий, сопряженная с формами социально-психического и опосредованного физического деструктивного влияния, результатом которого является достижение публично нелегитимных и противоправных целей» [Кубякин, 2011, 25-27].

Итак, совокупность научных идентификаций типологии экстремизма обнаруживает неоднородность трактовок и широкий диапазон подходов к пониманию классификационных признаков и уровней феномена экстремизма. Во многом это может быть объяснено концептуальной аберрацией, заключающейся в дихотомии форма – вид. Для уточнения данного вопроса обратимся к критике современной системы классификации экстремизма.

Так, Е. П. Сергун обращает внимание на проблему отождествления словосочетаний «вид экстремизма» и «форма экстремизма», в том числе процесс синонимизации этих двух категорий в научном пространстве. В профильных научных обсуждениях и публикациях имеется очевидная тенденция к спонтанному, субъективно-избирательному, немотивированному в плане выбора той или иной категории употреблению. Подобный процесс является пагубным, в силу того, что между категориями «форма экстремизма» и «вид экстремизма» имеются концептуальные различия.

Согласно Е. П. Сергуну, вид экстремизма образует условно выделяемый тип антидемократической, в том числе антиконституционной интолерантности, определяемый частными признаками экстремистской идеологии, понимаемой как система социально-политических мировоззренческих представлений, основу которой составляют идеи нетерпимости к фундаментальным либеральным и демократическим ценностям, а также враждебности к основам конституционного строя демократического правового государства [Сергун, 2013, 99-105].

Рассматривая противоречия современной классификации экстремизма подробнее, можно обнаружить большие нестыковки.

В первую очередь обращает на себя внимание игнорирование того факта, что экстремизм по своей сути есть прежде всего политический феномен. Поэтому понятие «религиозно-политический экстремизм», часто встречаемое в научном дискурсе, является тавтологическим. В этом отношении исследователь А. Пфаль-Траугбер замечает, что под экстремизмом априорно понимается какое-либо политическое устремление. Поэтому в приведенном выше примере достаточно употребление формулировки «религиозный экстремизм». Также А. Пфаль-Траугбер добавляет, что религиозный экстремизм всегда имеет политический характер [*Pfahl-Traugber A. Gemeinsamkeiten im Denken...*, 2007, 15].

Более того, подобный подход к интерпретации экстремизма выявляет некорректность широко используемого понятия (как в нормативной, так и в научной сферах) «политический экстремизм». В силу априорной политической сущности экстремизма указанное словосочетание является избыточным в семантическом значении и может быть редуцировано до единичного понятия «экстремизм».

Алогичность употребления также обнаруживается в понятии «*идеологический экстремизм*», используемом некоторыми исследователями: экстремистская идеология всегда первична и выступает естественной социально-политической мировоззренческой базой экстремизма.

Особенной областью критики современного подразделения экстремизма является политический контекст. Политическая конъюнктура социально-политической обстановки на Северном Кавказе и в исламских государствах Ближнего и Среднего Востока обнаруживает сомнительность избытка предлагаемых исследователями терминов, используемых в отношении идентичного явления. Такие виды экстремизма, как «национальный экстремизм», «национально-этнический экстремизм», «националистический экстремизм», «этнорелигиозный экстремизм» и пр., выделяемые в отношении характеристики ситуации в обозначенной геополитической локации выступают семантически синонимичными. Но в научном дискурсе подобное подразделение понятий имеет автономную практику применения, что ведет к восприятию каждого отдельного случая реципиентом информации как принципиально иного явления социальной действительности.

На другом уровне типологии экстремизма объектом критики выступает абстрактный характер выделяемых понятий. Основанием идентификации таких видов экстремизма, как социально-экономический экстремизм, бытовой экстремизм, экологический экстремизм, культурный экстремизм, спортивный экстремизм, является понимание экстремизма в наиболее примитивном и редуцированном виде – как приверженность к определенным «крайним взглядам и мерам». Противоречие заключается в том, что подобная приверженность может иметь выражение в любых групповых и межличностных процессах человеческой деятельности. Например, воспользовавшись подобной логикой можно выделить «сексуальный экстремизм». Абстрактность подхода к пониманию экстремизма ведет к неопределенности позиций уголовного права в отношении объекта уголовно-правового регулирования, пределов уголовно-правового воздействия, размытости и даже отсутствию критериев ле-

гитимности потенциальных уголовно-правовых мер по направлению регуляции комплекса социальных отношений.

Наконец, заключительным вопросом критики видовой типологии экстремизма выступает проблема частого отождествления экстремизма и экстремистской деятельностью в рамках нормативной и научной сфер. Подобный ход самым естественным образом ставит под сомнение обоснованность большинства представленных выше видов экстремизма. И именно в этом кроется ключевая причина продуцирования синтетической конкуренция видов экстремизма и его форм.

Заключение

В заключение можно сказать, что понятие «форма экстремизма» отражает признаки фактической деятельности субъекта экстремизма, в чем и обнаруживается отличие от понятия «вид экстремизма», являющего собой идеологическую направленность готовности индивида к практической реализации своих убеждений.

Таким образом, общий обзор научного дискурса по вопросу классификации экстремизма позволяет говорить о многообразии подходов к типологии экстремизма, что, с одной стороны, вызвано дифференциацией признаков, по которым исследователи подразделяют явление, с другой – смещением призмы идентификации по направлению форма – вид и, наконец, абстрактностью подхода к понимаю феномена экстремизма. В любом случае выявленная совокупность трактовок существенно расширяет предметную часть типологии экстремизма и тем самым затрудняет точную идентификацию актуальной сущности классификации данного социального явления и его интерпретации в научном пространстве.

Библиография

1. George J. Nazis, Communists, Klansmen, and Others on the Fringe: Political Extremism in America. N.Y.: Prometheus Books, 1992. 523 p.
2. Pfahl-Traugber A. Gemeinsamkeiten im Denken der Feinde einer offenen Gesellschaft. Strukturmerkmale extremistischer Ideologien // Politischer Extremismus. Die Blaue Reihe : Studienbücher für die Polizei / hrsg. v. Martin H. W. Möllers. Frankfurt, 2007. P. 15.
3. Афанасьева Р.М. Социокультурные условия противодействия экстремизму в молодежной среде (социально-философский анализ): дисс... канд. философ. наук. М., 2007. С. 10.
4. Бааль Н.Б. Молодежный политический экстремизм в современном российском обществе // Российский следователь. 2007. С. 12.
5. Бааль Н.Б. Девиантное поведение в механизме формирования криминального экстремизма в молодежной среде // Вопросы ювенальной юстиции. 2008. № 4. С. 17-21
6. Власов В.И. Экстремизм: сущность, виды, профилактика. М.: РАГС, 2002. С. 67.

7. Возженников А.В. Международный терроризм: Борьба за геополитическое господство. М., 2005. С. 204.
8. Волков Н.В. Экстремизм как крайняя форма сепаратизма: проблема определения социально-правовой сущности феномена // История государства и права. 2006. № 9. С. 5.
9. Воронцов С.А. О некоторых подходах к определению понятий «исламский экстремизм» и «исламский терроризм» // Юрист-Правоведь. 2008. № 2.
10. Гетц Р. Н. Современные технологии противодействия политическому экстремизму в Российской Федерации: дисс. канд. полит. наук. Санкт-Петербург, 2012. 161 с.
11. Жукова О.С., Иванченко Р. Б., Трухачёв В.В. Информационный экстремизм в современном государственно-правовом государстве. Философия права. Ростов н/Д: Ростовский юридический институт МВД, 2010. С. 105-108.
12. Козлов А.А. Проблемы экстремизма в молодежной среде // Система воспитания в высшей школе. Вып. 4. М., 1994;
13. Козлов А.А. Молодежный экстремизм. СПб., 1996.
14. Кубякин Е.О. Информационный экстремизм как феномен социокоммуникативной реальности XXI в. // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2011. № 1. С. 25-27.
15. Мартыненко Б.К. Политический терроризм: понятие, признаки, классификация // Северо-Кавказский юридический вестник. 1999. № 7. С. 66–74.
16. Мартыненко Б.К. Теоретико-правовые вопросы политического терроризма: На примере России конца 80-х – 90-х гг. XX века: дисс. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 1999. 180 с.
17. Петрянин А.В. Противодействие преступлениям экстремистской направленности: уголовно-правовой и криминологический аспекты: дисс. докт. юрид. наук. М., 2014. 500 с.
18. Писаренко О.Н. Экстремизм как социальное явление // Научные проблемы гуманитарного исследования. 2010. № 9. С. 212–218.
19. Плужников Е.Н. Религиозный экстремизм в современной России: проблемы теоретической интерпретации и политической практики: дисс. канд. полит. наук. М., 2010. 166 с.
20. Пономаренков В.А., Яворский М.А. Сущностная характеристика современного экстремизма // Юридический мир. 2008. № 2. С. 42.
21. Римский А.В., Артюх А.В. Экстремизм и терроризм: понятие и основные формы проявления // Научные Ведомости Белгородского государственного университета. Серия «Философия. Социология. Право». 2009. № 10. С. 247.
22. Сергун Е. П. Соотношение понятий «вид экстремизма» и «форма экстремизма» // Правовая культура. 2013. № 1. С. 99-105
23. Смирнов В.А. Основы молодежной политики в сфере профилактики экстремизма // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 14. С. 78 – 87.
24. Устинов В.В. Экстремизм и терроризм (проблемы разграничения и классификации) // Российская юстиция. 2002. № 5. С. 34 – 36.

The issue of typology of extremism in contemporary scientific discourse

Ivan V. Grebenshchikov

Postgraduate,
Department of sociology of political and social processes,
Saint-Petersburg State University,
199034, 7/9 Universitetskaya emb., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: Ivon.Fat@yandex.ru

Abstract

The article deals with the problem of differentiation of approaches to the classification of extremism in modern scientific discourse. The goal of the study is the consideration of variety of topical approaches to the typology of extremism in modern scientific discourse and identification of conventional and differentiated scientific approaches to the problem of classifying extremism, as well as a set of critical approaches to the rethinking of traditional ideas about the varieties of this phenomenon. The author of this article considers the complex classification of interpretations of extra-extremism in national and international contexts, with a brief characterization of meaningful components of the given approaches to typology of the phenomenon. The article demonstrates system and depth of modern tools for the separation of the phenomenon of extremism in a number of ways. The author reveals diffuse nature of forms of extremism and dynamics of its transformations in the system of dependency from social and technical trends and development. These materials can help to reflect the diversity of the budget of the scientific potential in the direction of the dissection of extremism. In addition, they can serve as the prerequisites for overcoming the contradictions in substantive discussions to improve the diagnostic potential of sociological social space, as well as to improve the efficiency of the engineering system response of subjects in the field of combating and prevention of this phenomenon.

For citation

Grebenshchikov I.V. (2017) Problema tipologii ekstremizma v sovremen-nom nauch-nom diskurse [The issue of the typology of extremism in contemporary scientific discourse]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 6 (2A), pp. 396-409.

Keywords

Extremism, typology, form, type, classification.

References

1. Afanas'eva R.M. (2007) *Sotsiokul'turnye usloviya protivodeistviya ekstremizmu v molodezhnoi srede (sotsial'no-filosofskii analiz). Dokt. Diss.* [Socio-cultural conditions of counteraction to extremism in the youth environment (socio-philosophical analysis). Doct. Diss.]. Moscow.
2. Baal' N.B. (2007) Molodezhnyi politicheskii ekstremizm v sovremennom ros-siiskom obshchestve [Extremism among youth in modern Russian society]. *Rossiiskii sledovatel'* [Russian investigator], p. 12.
3. Baal' N.B. (2008) Deviantnoe povedenie v mekhanizme formirovaniya kriminal'nogo ekstremizma v molodezhnoi srede [Deviant behavior in the mechanism of the formation of criminal extremism in youth environment]. *Voprosy yuvenal'noi yustitsii* [Questions of juvenile justice], 4, pp. 17-21.
4. George J. (1992) *Nazis, Communists, Klansmen, and Others on the Fringe: Political Extremism in America*. N.Y.: Prometheus Books.
5. Getts R.N. (2012) *Sovremennye tekhnologii protivodeistviya politicheskomu ekstremizmu v Rossiiskoi Federatsii. Dokt. Diss.* [Modern technologies of countering political extremism in the Russian Federation. Doct. Diss.]. Saint Petersburg.
6. Kozlov A.A. (1994) Problemy ekstremizma v molodezhnoi srede [Problems of extremism in the youth environment]. *Sistema vospitaniya v vysshei shkole* [Educational system in higher education], 4. Moscow.
7. Kozlov A.A. (1996) *Molodezhnyi ekstremizm* [Youth extremism]. Saint Petersburg.
8. Kubyakin E.O. (2011) Informatsionnyi ekstremizm kak fenomen sotsiokommunikativnoi real'nosti XXI v. [Informational extremism as a phenomenon of socio-communicative reality of the XXI century]. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki* [Humanitarian, socio-economic and social sciences], 1, pp. 25-27.
9. Martynenko B.K. (1999) *Teoretiko-pravovye voprosy politicheskogo terrorizma: Na primere Rossii kontsa 80-kh – 90-kh gg. XX veka. Dokt. Diss.* [Theoretical and legal issues of political terrorism: on the example of Russia in the late 80s – 90s of the twentieth century. Doct. Diss.]. Rostov-on-Don.
10. Martynenko B.K. (1999). Politicheskii terrorizm: ponyatie, priznaki, klassi-fikatsiya [Political terrorism: concept, characteristics, classification]. *Severo-Kavkazskii yuridicheskii vestnik* [North Caucasus law bulletin], 7, pp. 66–74.
11. Petryanin A.V. (2014) *Protivodeistvie prestupleniyam ekstremistskoi naprav-lennosti: ugolovno-pravovoi i kriminologicheskii aspekty. Dokt. Diss.* [Counteraction to extremist crimes: criminal law and criminological aspects. Doct. Diss.]. Moscow.
12. Pfahl-Traugher .A (2007) Gemeinsamkeiten im Denken der Feinde einer offenen Gesellschaft. Strukturmerkmale extremistischer Ideologien. *Politischer Extremismus. Die Blaue Reihe : Studienbücher für die Polizei* / hrsg. v. Martin H. W. Möllers. Frankfurt, p. 15.

13. Pisarenko O.N. (2010) Ekstremizm kak sotsial'noe yavlenie [Extremism as a social phenomenon]. *Nauchnye problemy gumanitarnogo issledovaniya* [Scientific problems of humanitarian studies], 9, pp. 212–218.
14. Pluzhnikov E.N. (2010) *Religiozniy ekstremizm v sovremennoi Rossii: problemy teoreticheskoi interpretatsii i politicheskoi praktiki. Dokt. Diss.* [Religious extremism in modern Russia: problems of theoretical interpretation and political practice. Doct. Diss.]. Moscow.
15. Ponomarenkov V.A., Yavorskii M.A. (2008) Sushchnostnaya kharakteristika sovremennogo ekstremizma [The essential characteristic of contemporary extremism]. *Yuridicheskii mir* [Legal world], 2, p. 42.
16. Rimskii A.V., Artyukh A.V. (2009) Ekstremizm i terrorizm: ponyatie i osnovnye formy proyavleniya [Extremism and terrorism: notion and essential forms]. *Nauchnye Vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo"* [Scientific statements of Belgorod State University. Series "Philosophy. Sociology. Right"], 10, p. 247.
17. Sergun E.P. (2013) Sootnoshenie ponyatii "vid ekstremizma" i "forma ekstremizma" [Ratio of concepts "type of extremism" and "form of extremism"]. *Pravovaya kul'tura* [Legal culture], 1, pp. 99-105
18. Smirnov V.A. (2008) Osnovy molodezhnoi politiki v sfere profilaktiki ekstremizma [The Basics of youth policy in the field of prevention of extremism]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 14, pp. 78-87.
19. Ustinov V.V. (2002) Ekstremizm i terrorizm (problemy razgranicheniya i klassifikatsii) [Extremism and terrorism (the issue of differentiation and classification)]. *Rossiiskaya yustitsiya* [Russian justice], 5, pp. 34-36.
20. Vlasov V.I. (2002) *Ekstremizm: sushchnost', vidy, profilaktika* [Extremism: essence, types, prevention]. Moscow: Russian Academy of State Service under the President of the Russian Federation.
21. Volkov N.V. (2006) Ekstremizm kak krainyaya forma separatizma: problema opredeleniya sotsial'no-pravovoi sushchnosti fenomena [Extremism as an extreme form of separatism: the problem of defining legal and social essence of the phenomenon]. *Istoriya gosudarstva i prava* [History of state and law], 9, p. 5.
22. Vorontsov S.A. (2008) O nekotorykh podkhodakh k opredeleniyu ponyatii "islamskii ekstremizm" i "islamskii terrorizm" [On some approaches to the definition of "Islamic extremism" and "Islamic terrorism"]. *Yurist-Pravoved* [Lwyer], 2.
23. Vozzhennikov A.V. (2005) *Mezhdunarodnyi terrorizm: Bor'ba za geopoliticheskoe gospodstvo* [International terrorism: Fight for geopolitical domination]. Moscow.
24. Zhukova O.S., Ivanchenko R. B., Trukhachev V.V. (2010) *Informatsionnyi ekstremizm v sovremennom gosudarstvenno-pravovom gosudarstve. Filosofiya prava* [Informational extremism in modern state-legal state. The philosophy of law]. Rostov-on-Don: Rostov Law Institute of Ministry of Internal Affairs.